

Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Очерк фонетики, тексты и словарь. 1.— Алма-Ата, изд-во «Наука» Казахской ССР, 1970. 263 стр.

До недавнего времени, когда речь шла об уйгурских диалектах, имелись в виду местные говоры уйгуров Синь-цзяна. Систематического исследования территориальных говоров советских уйгуров не проводилось¹. Изучение говоров уйгуров СССР — новая страница в уйгуроведении. Эта страница открывается вновь усилиями уйгуроведов Казахстана, среди которых в первую очередь надо назвать А. Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова. Научная деятельность Г. С. Садвакасова теперь полностью посвящена этому важному делу².

Рцензируемая монография этого автора о языке уйгуров Ферганской долины состоит из «Предисловия» (стр. 3—9), «Фонетики» (стр. 10—70), «Текстов и переводов» (стр. 71—162) и «Словаря» (стр. 163—257). Ферганские уйгуры — одна из ветвей уйгуров, живущих в Узбекистане и Киргизии, — являются переселенцами XVIII—XIX вв. (возможно, и ранее) из Кашгара. Следовательно, по языку они могут быть отнесены к кашгарскому говору, но сглаженному сильным влиянием языка окружающего узбекского населения. Говоры ферганских уйгуров прежде совершенно не изучались. Г. С. Садвакасов — участник трех диалектологических экспедиций (1961, 1962, 1967 гг.), во время которых записывались говоры уйгуров большого числа городов и селений Ферганской долины. Записи сделаны на слух (тексты — сначала на магнитофоне) и приведены в фонологической транскрипции на основе современного алфавита советских уйгуров.

¹ Ср.: Л. А. Агашина, Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Автореф. канд. диссерт., М., 1954.

² См.: Г. Садвакасов, О лексических особенностях в языке уйгуров с. Большое Аксу, «Изв. АН Каз. ССР». Серия филологии и искусствоведения, 3 (22), 1962 (на уйг. яз.); е го же, Некоторые сведения о языке уйгуров Ферганской долины, «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965 (на уйг. яз.); е го же, Об уйгурах Туркмении и их языке, «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 3, 1967 (на уйг. яз.); е го же, Двойные согласные в современном уйгурском языке, «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 5, 1968; е го же, О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка, «Исследования по тюркологии», Алма-Ата, 1969; е го же, Об изучении диалектов языка советских уйгуров, «Исследования по уйгурскому языку», 2, Алма-Ата, 1970, стр. 31—38; е го же, О некоторых свойствах сонорного *p* в современном уйгурском языке, там же.

В главе «Фонетика» содержится обстоятельный анализ состава фонем, их вариантов в зависимости от позиционных и иных условий, дана характеристика основных закономерностей в области гласных и согласных: ассимиляции (прямой и обратной, полной и частичной), редукции и элизии гласных и согласных и мн. др.

Как характерная черта говора отмечается полуширокий *e* в соседстве с палатальными согласными, хотя в тех же позициях может употребляться и древний широкий *э*, например: *ертэ* «рано» (совр. уйг. лит. *эртэ*), *эски* «старый» (совр. уйг. лит. *эски*), но *энди* «теперь», *пачча* «сколько», *нарсэ* «что, нечто». Следует заметить, что прием сравнения некоторых звуков говора с аналогичными звуками в древнеуйгурском языке (стр. 14, 15) нельзя признать убедительным, так как пока совершенно не известно, какого качества эти звуки были в языке древних уйгуров — в письменном и тем более в устном.

Общегуйгурские варианты узких гласных в книге квалифицируются как «*и* с призвуком *ш*» (стр. 19, 20), «*у* с призвуком *ф*» и «*у* с призвуком *ф*» (стр. 21). Точности ради надо сказать, что фонетисты данное явление рассматривают как оглушение узких гласных, наступающее в соседстве с глухими согласными. В результате оглушения у гласных развиваются шумы: у негубного (*и*) *ш*-образный звук, у губных (*у* и *ү*) — *ф*-образный звук. Специальный раздел посвящен долгим гласным. В ферганском говоре, как и в уйгурском языке вообще, долгие гласные — вторичного происхождения, они образуются падением сонорных *p*, *л*, *й*, *н*, *ң* или отдельных шумных согласных; в некоторых случаях долгота становится релевантной (стр. 27). Интересно предположение автора о том, что, если корневой гласный (*а*, *э*) не подчиняется закону регрессивной ассимиляции, то он исконно долгий (стр. 22—23). С этим можно было бы согласиться, если бы были показаны и другие условия, при которых закон регрессивной ассимиляции не действует (например, возникновение нежелательной омонимии, неблагозвучие и др.).

Любопытно, что такая яркая черта уйгурского вокализма, как обратное влияние узких гласных в ферганском говоре, по наблюдениям Г. С. Садвакасова, почти стерта (стр. 32). Еще недавно этот вид ассимиляции действовал в полную силу, оказывая заметное влияние на вокализм узбекских говоров. Уйгурское влияние в этой области затронуло почти все узбекские говоры ферганского типа. Интенсивный процесс отдачи закончился для ферганского говора тем, что в нем самом этот вокалический признак стал затухать.

В области гонсонантизма язык уйгуров Ферганской долины мало чем отличается от уйгурского языка в целом — и по составу, и по свойствам уподобления, и по особенностям выпадения и появления согласных в начале и середине слова. Интерес представляет раздел, посвященный двойным (и долгим) согласным. Г. С. Садвакасов различает несколько видов уйгурской геминии. Двойные согласные встречаются как в заимствованиях из арабского и иранских языков, так и в собственно уйгурских словах. В собственно уйгурских словах различаются: 1) геминия на стыке корневой и аффиксальной морфем, 2) геминия в результате фонетического развития внутри слова, 3) геминия неизвестного происхождения (этот вид свойствен только основе слова). Опираясь на учение представителей французской школы (А. Мейе, Ж. Дени) об экспрессивности живого народного словаря, Г. С. Садвакасов пытается объяснить уйгурскую геминию типа *ушшаф* «мелкий», *иллиф* «теплый» и т. д. Но здесь неминуем целый ряд трудностей: а) геминия, точнее долгота, свойственная разговорной речи, не постоянна; в литературном языке она носит устойчивый характер, что заставляет думать о разных причинах ее появления, а не одной лишь эмфатической, б) в некоторых разрядах слов (числительные, бытовые термины) геминия объяснению эмфазой не поддается совсем.

Очевидно, кроме речевой эмфазы, могут быть и другие причины внутрикорневой геминии, и в их числе — передвижение слоговой границы, а также смягчающее влияние узких *и*, *у*, *ү* (как известно, палатализованные согласные всегда более долгие). Пока приходится признать вслед за В. Бангом, что геминия остается «книгой за семью печатями».

Тем не менее, уже сам факт, что количественный момент в звуковом строе ферганского говора стал предметом особого внимания автора, придает рецензируемой книге известную новизну.

«Тексты и переводы» включают в себя образцы прозаического и стихотворного языка ферганских уйгуров. Тексты помещены под рубриками по географическому принципу; каждый текст снабжен названием и подробно документирован. Некоторые тексты имеют параллели в публикациях С. Е. Малова, Г. Ярринга или созвучны стихам старых уйгурских поэтов — Билала Назима и Садыра Палвана. За вычетом этих параллелей остается много нового, впервые публикуемого в уйгуроведении, в том числе лирические песни и стихи — подлинные жемчужины устного народного творчества. Современные диалектологи редко и мало издают тексты. Между тем тексты содержат всегда больше информации, чем анкетные записи, и они совершенно необходимы исследователям. Поэтому публикация

текстовых записей ранее не изученного говора ферганских уйгуров — несомненная заслуга автора.

Заключает книгу «Словарь», построенный на лексике текстов (в том числе охвачены географические названия и личные имена). Г. С. Садвакасов нашел рациональный способ подачи слов и дублетов. В качестве иллюстраций нередко даются предложения, словосочетания (свободные, связанные) и идиомы. Вместе со словами общепонятными вошли слова и редкие, например: *кэшап* «короткий», *қауа* «детский матрац для колыбели», *миччэ* «горюшка, горлица», *сағыт* «тонкая лепешка, жаренная в масле». Несколько слов остались непереведенными (автор ставит после них знак вопроса). Нельзя ли рассматривать их как иранские заимствования? Так, название песни *базгулиналла* (стр. 175) можно разложить на *базгули* и *налла*, *базгули* (перс. *бозгале*) «Козерог, знак зодиака, соответствующий январю»; *налла* (перс. *нале*) «воплъ, стон, рыдание». Очевидно, это — обрядовая «Январская песня» (дословно: «январские рыдания»). Термин *зэргунда* (стр. 193) < араб. *зэрэр* + перс. *кунанда*, *зэрэр-кунанда* «вредитель»³, ср. узб. *зараркунанда*⁴.

Зайствованные слова снабжены этимологическими пометами. Но *йардам* (стр. 197) едва ли следует считать словом иранского происхождения: у сарыг югуров сохранился глагол *йарда* «помогать», от которого образовался *йарда* + *м* «помощь».

Трудно согласиться с тем, что *қуйаш* «солнце» (стр. 211) возникло на иранской почве: в сутре «Золотой блеск» и у Махмуда Капгарского это — «зной, жара, солнечный припек»⁵. А вот *сева* «корзинка» (стр. 231) надо соотносить с иранским словом (ср. перс. *сăбăд*), хотя в «Словаре» оно оставлено без пометы, т. е. считается собственно уйгурским⁶.

Эти досадные промахи не снижают высокое, в целом, качество книги, полезной и необходимой уйгуроведам. Хочется отметить и полиграфические достоинства книги; эта черта характерна для книг, издаваемых в Алма-Ате. Читатели ждут выхода в свет второй части «Языка уйгуров Ферганской долины» — исследования по грамматике и лексике ферганского говора.

Э. Р. Тенишев

³ Э. Н. Н а д ж и п, Уйгурско-русский словарь, М., 1968, стр. 472.

⁴ «Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 163.

⁵ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 464.

⁶ Замечания к словарной части книги см. также в рецензии М. Ш. Рагимова («Советская тюркология», 1971, 1, стр. 113—114).